

УДК 37.016: 342.622

МРНТИ 16.21.41

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2026.3.82.004>

**ЛЕКСИКА КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ В ПИСЬМЕННОМ
ПАМЯТНИКЕ «МУНИЕТ УЛ-ГУЗАТ»:
ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Байменова С.¹, *Батырбекова К.², Токтагул Б.³

^{1, *2} Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова,
Шымкент, Казахстан

³ Центрально-Азиатский инновационный университет,
Шымкент, Казахстан

Аннотация. В статье проводится комплексный историко-лингвистический анализ языковых единиц, связанных с конским снаряжением, представленных в письменном памятнике Муниет ул-гузат, написанном на средневековом мамлюкско-кыпчакском языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения лексического фонда тюркских письменных памятников как важного источника сведений о материальной культуре, мировоззрении и языковой истории тюркских народов. Цель исследования заключается в определении историко-лингвистической природы терминологии, относящейся к конскому снаряжению, а также в выявлении особенностей функционирования данных лексических единиц в современном казахском языке. Объектом исследования выступает язык письменного памятника «Муниет ул-гузат», а предметом – лексико-семантические и структурные особенности наименований конского снаряжения.

В процессе исследования были применены историко-сравнительный, семантический, сопоставительный, этимологический и историко-фонетический методы анализа, что позволило всесторонне рассмотреть развитие исследуемой лексики в диахроническом аспекте. Впервые в отечественной тюркологии системно проанализированы семантические особенности и языковая эволюция терминов конского снаряжения, зафиксированных в памятнике «Муниет ул-гузат». Особое внимание уделено происхождению терминов, их словообразовательной структуре, фонетическим изменениям и степени сохранности в современном казахском языке. В ходе исследования установлено, что значительная часть рассматриваемых лексем сохранила свою семантическую основу и активно функционирует в современной казахской языковой среде, что свидетельствует о преемственности языковой и культурной традиции тюркских народов.

Результаты исследования подтверждают, что наименования конского снаряжения представляют собой важный пласт лингвокультурной лексики,

отражающий особенности хозяйственной деятельности, быта, военного искусства и духовной культуры тюркских народов. Полученные научные выводы вносят вклад в развитие исторической лексикологии, тюркологии, этнолингвистики и исторической семасиологии, а также расширяют представления о языковой картине мира средневековых тюркских обществ.

Ключевые слова: конское снаряжение, историко-лингвистическое исследование, тюркские народы, лексико-семантика, традиционная культура, средневековый письменный памятник, историческая фонетика, Муниет ул-гузат

Введение

Письменный памятник «Муниет ул-гузат» представляет собой исключительно ценное наследие для изучения исторических истоков казахского языка. Содержание данного памятника, в частности записи, связанные с конской упряжью, предоставляет важные сведения о средневековой военной культуре, скотоводстве и культурных традициях периода мамлюкско-кыпчакской эпохи, связанной с освоением и использованием лошадей. В период мамлюкско-кыпчакской культуры элементы конской упряжи играли не только утилитарную роль, но и выступали как показатель социального статуса и важный символ традиционной культуры. Вопросы, связанные с конской упряжью и культурой коневодства, рассматривались в трудах ряда ученых в области тюркологии, этнографии и археологии. Так, в работах М.И. Артамонова «Сокровище саков» (1973), Е.С. Ахметжана и Р.А. Ахметжановой «Опыт реконструкции седла из кургана №11 могильника Берел» (2013), В.О. Витта «Лошади пазырских курганов» (1952), Б.Н. Мозолевского и С.В. Полина «Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяная и Соболева могилы)» (2005) с различных аспектов анализируется историческое значение лошади в жизни кочевых народов и эволюция связанных с ней предметов снаряжения. В трудах К. Саки «Мәмлүктер» (2015), Б. Кайратулы «Қазақтың ат бегілік өнері», а также в исследовании Osman Kabadayı «Kazakça at koşum takımları (Tarihî Karşılaştırmalı Söz Varlığı İncelemesi)» (2024) представлены ценные научные выводы относительно структуры конской упряжи казахского народа, особенностей ее использования, а также ее культурного и социального значения. Тем не менее, языковые и исторические особенности наименований элементов конской упряжи в средневековых письменных памятниках до сих пор требуют более глубокого и системного изучения. В ходе исследования планируется определить историко-этнографическое значение данных материалов, а также выявить этапы развития терминологии конской упряжи в казахском языке. В этой связи целью данной статьи является историко-лингвистическое исследование элементов конской упряжи в письменном памятнике «Муниет ул-гузат». Задачами исследования являются систематизация терминологии конской упряжи, выявление их исторического значения и анализ этимологических особенностей соответствующих наименований в

казахском языке. Результаты исследования позволят углубить понимание лексики, связанной с военной культурой и конской упряжью казахов, а также сформулировать выводы, имеющие практическое значение для историко-культурных исследований и языкознания.

Описание материалов и методов

В качестве исследовательского материала были использованы письменный памятник «Муниет ул-гузат». В ходе исследования применялся историко-сравнительный метод, на основе которого проводился сопоставительный анализ употребления наименований элементов конской упряжи в древнетюркских письменных памятниках и современных тюркских языках. С помощью семантического анализа была определена смысловая структура каждой лексемы, а также ее историко-культурное значение. На основе сравнительного метода были выявлены структурные и семантические особенности соответствующих наименований в различных источниках. Кроме того, в результате этимологического анализа были установлены происхождение и историческое развитие терминов, относящихся к конской упряжи. Историко-фонетический анализ позволил проследить звуковые изменения и закономерности эволюции данных лексических единиц. Комплекс указанных методов обеспечил научную обоснованность результатов исследования и позволил всесторонне раскрыть историко-лингвистические особенности лексики конской упряжи в памятнике «Муниет ул-гузат», а также определить ее место и культурно-познавательное значение в тюркских языках, в том числе в казахском языке.

Результаты

В результате проведенного исследования установлено, что наименования конской упряжи в письменном памятнике «Муниет ул-гузат» обладают значительной исторической, культурной и языковой ценностью. Они отражают не только систему технических средств верховой езды, но и важные аспекты социальной структуры, военной организации и традиционной культуры средневекового тюркского общества. Выявлено, что часть терминов сохраняет преемственность с древнетюркской лексикой, тогда как другие демонстрируют развитие и семантические изменения в современном казахском языке. Таким образом, исследование подтвердило, что термины конской упряжи в «Муниет ул-гузат» являются ценным источником для изучения исторической лексикологии, терминологии и этнолингвистики тюркских языков, а также для дальнейших исследований в области истории, культуры и этнографии казахского народа. Результаты анализа показали, что часть терминов сохранилась из древнетюркских языков, тогда как другие развились в смысловой и исторической преемственности

с современными словами казахского языка. Кроме того, было установлено, что конская упряжь выполняла не только практическую функцию, но и являлась важным показателем военной культуры и социального статуса. В этом контексте особое значение приобретает исследование терминологии конской упряжи в письменном памятнике «Муниет ул-гузат». В ходе исследования термины, связанные с конской упряжью в данном памятнике, были систематизированы, а их исторические, культурные и языковые аспекты всесторонне проанализированы. В частности, данные наименования включают такие средства верховой езды, как седло, уздечка, стремя, қамшы и көмідірік.

Ер – как основная часть седла обеспечивает устойчивость и безопасность воина во время верховой езды. В тексте памятника подробно описаны материал, размеры, художественное оформление и особенности использования седла. На основе этих данных рассматривается семантическое и этимологическое развитие термина «ер» в средневековых тюркских языках.

Үзенгі – приспособление, предназначенное для сохранения равновесия при верховой езде и облегчения движения. В тексте отчетливо отражено, что его форма и материал способствовали повышению маневренности воина. Кроме того, проведен сравнительный анализ фонетических особенностей в средневековых тюркских языках и образного употребления в современном казахском языке.

Жүген – описывается как основной инструмент управления и направления лошади. Его структурные элементы и способы применения подробно представлены в памятнике. Исторические и современные языковые формы термина позволяют выявить социально-культурные аспекты конной культуры.

Қамшы – использовался как средство направления лошади, регулирования скорости и остановки. Кроме того, его длина, плетение и способы использования описаны в военно-социальном контексте, что подчеркивает его функцию как символа храбрости и социального статуса.

Өмілдірік – средство, предназначенное для надежной фиксации седла на лошади. Результаты этимологического анализа показывают связь казахского термина «өмілдірік» с монгольским словом *emel* и сопоставление с вариантами в других тюркских языках подтверждает историко-языковую преемственность культуры верховой езды.

В целом проведенное исследование позволило конкретизировать историко-лингвистическую, культурную и социальную роль терминов конской упряжи в памятнике «Муниет ул-гузат» и углубить понимание традиций коневодства казахского народа и значения конной культуры в кочевой цивилизации.

Обсуждение

«Муниет ул-гузат» является одним из важных письменных памятников, относящихся к средневековой мамлюкско-кыпчакской эпохе. Данное произведение было написано в XIII-XIV веках на языке мамлюкских кыпчаков, проживавших на территории Египта и Сирии, и представляет собой ценный источник, сохранивший лексические и грамматические особенности кыпчакского языка того периода. С этой точки зрения письменные памятники мамлюкско-кыпчакского языка обладают особой научной значимостью. Их целесообразно рассматривать как общее культурно-историческое наследие всех тюркских народов, поскольку часть языкового материала древнего кыпчакского языка сохранилась в современных кыпчакских языках, что подтверждает их историческую преемственность. В этой связи письменные памятники мамлюкско-кыпчакского языка выступают важным источником для изучения социальной, этнической, политико-общественной, литературно-культурной, цивилизационной и языковой истории современных тюркских народов, в частности казахов, каракалпаков, ногайцев, татар, башкир, караимов, карачаево-балкарцев, кумыков, крымских татар, киргизов и народов алтайской кыпчакской группы [1, с. 575]. В рассматриваемом памятнике содержится широкий круг сведений, связанных с военной подготовкой, системой конской упряжи и вооружением. Использование оружия верхом на лошади или в спешенном положении, а также освоение военных тактик описываются как характерные военно-культурные особенности тюркских народов. Эти данные позволяют не только охарактеризовать уровень развития военной культуры мамлюкско-кыпчакского общества, но и выявить систему формирования терминологии конской упряжи. Исторические сведения свидетельствуют о том, что приручение лошади и ее использование в хозяйственных и военных целях сыграли особую роль кочевых племен Центральной Азии и Казахстана. Отмечается, что лошадь использовалась в повседневной жизни практически полностью - от употребления мяса и молока до использования кожи, волос и костей в хозяйстве [2, с. 12]. Конская упряжь рассматривается не только как инструмент, но и как культурное и технологическое достижение, обеспечивающее эффективное взаимодействие человека и лошади. Именно благодаря этому искусство верховой езды получило дальнейшее развитие, а культура конного образа жизни сформировалась как устойчивая система. В связи с этим такие элементы упряжи, как седло, уздечка и стремяна, постоянно совершенствовались, со временем их разновидности увеличивались, а сфера применения расширялась. В кочевой культуре лошадь считалась верным спутником человека и играла важную роль в военных походах, охоте и длительных кочевых перемещениях. Поэтому уход за лошастью, ее обучение и изготовление снаряжения стали важными

профессиональными навыками средневекового общества [3, с. 39]. Научные данные свидетельствуют о том, что предки тюрков использовали конское снаряжение в бытовых, декоративных и военных целях. Бытовые элементы упряжи отличались простотой и практичностью. Военные седла были особо прочными и качественными, часто изготавливались с использованием кожи крупного рогатого скота и могли включать ритуальные элементы. Декоративные элементы упряжи использовались преимущественно в торжественных случаях – на свадьбах, пирах, а также у представителей знати и старейшин, и нередко изготавливались как семейные реликвии [4, с. 56]. Из этого следует, что у тюрков лошадь выполняла не только транспортную и хозяйственную функцию, но и являлась показателем социального статуса. Например: «алмас қылыш сартылдап, алтын жүген жарқылдап өмілдірік сары алтын, омырауда алқымдап...» [5, с. 196]. Данный пример художественно демонстрирует, как через внешний облик коня отражались статус и сила воина. Лошади батыров и правителей часто украшались драгоценными металлами – золотом, серебром и драгоценными камнями [6, с. 294]. Следовательно, через конскую упряжь прослеживается тесная связь между эстетикой, статусом и воинской доблестью, где художественное оформление сочетается с социальным символизмом. В рассматриваемом письменном памятнике также подчеркивается, что воин прежде всего должен был в совершенстве владеть навыками верховой езды и уверенно держаться в седле. Умение уверенно сидеть на лошади требовало значительной подготовки у тюркских народов. В тексте памятника это описывается следующим образом, «*üzere körklüg olturmak içinde taki arkang birle iginlering – ni anıñ kibi tüz tutgil kim tangri ta'ala seni yarattı tüp-tüz ni ilgerü igilgil ni artkaru igilgil taki olturur yiring-ni iyerde bik tutgil taki butlarinng – ni iyerge yapuštura muhkem tutgil taki ayaklarining – ni üzengüde bik başgil ökceng-ni ašagarak tutup taki ayaklarinng-ni üzengüde ihtiyat itgil kim başgandan songra tiorenmegey ayaklaring – ning šadri üzengiden ayrılmagay taki ayagining – ni asri ilgerü taki asri artkaru tutmagil ortačakli tutgil aning üçün kim fariška ayagin artkaru ve taki ökcetin kötürürek tutmakdin aybrek yok turu ve's salem kaçan kim muhikem kilsang anlar-ni kim sanga vaf kildim taki anlar-ni özing mu' avved kilsang kim ol sanga seyr anakda taki tabi at ve adet bolsa taki minmekni taki aning üzere kim vaf kildim muhkem kilsang bes hič harakä kilmasin*» [7, с. 89]. В данном отрывке объясняются правила правильной и устойчивой посадки верхом на лошади. Эти наставления, содержащиеся в тексте письменного памятника, свидетельствуют о том, что искусство верховой езды занимало исключительно важное место в военно-боевой культуре тюркских народов. В тексте подробно описывается, как именно воин должен вести себя в седле, при этом особое внимание уделяется положению его тела и движениям. Прежде всего указывается, что

для уверенной и правильной посадки спина и плечи всадника должны быть прямыми. Через мысль «Всевышний сотворил тебя прямым» подчеркивается идея о естественной прямоте человеческого тела, и, следовательно, необходимость сохранять естественное положение, не наклоняясь ни вперед, ни назад. Это требование имеет не только эстетическое значение, но и важно для сохранения равновесия во время верховой езды. Далее в тексте говорится о необходимости надежного закрепления седла на спине лошади. Всадник должен уверенно сидеть в седле. Плотное прижатие бедер к седлу является одним из основных способов управления лошадью. Такая посадка позволяет всаднику двигаться как единое целое с лошадью и подстраиваться под ее движения. Следующие указания касаются положения ног.

Известный исследователь мамлюков К. Саки в своей работе «Мамлюки», отмечая тесную связь военной подготовки мамлюков с коневодством, указывает, что существовало два основных способа подготовки воинов. Он пишет: «...для этого из дерева изготавливают макет лошади и её чучело, и молодых мамлюков в течение целого дня тренируют прыгать на него, имитируя посадку и спешивание. Юноша, научившийся легко садиться и слезать с деревянного макета лошади, продолжает тренировку уже с установленным на нём седлом и упряжью. Освоив посадку и спешивание с “оседланной лошади”, мамлюк, вооружившись, продолжает упражнения по посадке и спешиванию». Далее автор отмечает, что следующий этап подготовки заключается в обучении езде на живой, но неоседланной лошади. В военно-практической литературе мамлюков подчеркивалось, что «мамлюк, не обученный езде на неоседланной лошади, имеет «слабую посадку», постоянно чувствует себя неуверенно в седле и не обладает устойчивостью» [8, с. 29]. В письменном памятнике «Муниет улгузат» также описываются два способа верховой езды: езда на неоседланной лошади и езда на оседланной лошади. В качестве примера в тексте памятника о езде на неоседланной лошади говорится следующее, «...*farislikdin birisi taki yaydak at-ka minmeklik turur, yaydak at minmeklikni ögrengil, hiç uyalmagil, kim hacet vaktinda kerek bolgay...*». Иными словами, здесь говорится о том, что одним из видов подготовки воинов является искусство верховой езды на неоседланной лошади, и что не следует стыдиться его освоения, поскольку в случае необходимости этот навык может оказаться полезным. Кроме того, в тексте отмечается ««*kilür taki at uryan bulunur, eger uryan minmekni şabit kilmiş bolsang ol vakt-da minip... Tangri-ga siginip düşmen-ni redd kilursin...*» ...приводится следующим образом [3, с. 36-37]. Здесь подчеркивается, что лошадь в некоторых ситуациях может оказаться без седла, и если воин владеет навыком езды на неоседланной лошади, он в таком случае способен быстро сесть верхом и, воззвав к Всевышнему, вступить в бой с противником. Искусство езды на неоседланной лошади было широко распространено в

средневековой тюркской среде, особенно среди кочевых тюркских племен. Подобная практика способствовала развитию ловкости в верховой езде, обеспечивала высокую подвижность и готовность к военным действиям. В тексте письменного памятника понятие «неоседланная лошадь»... *yaydak at-ka minmek* (йайдак ат-ка мінмек), а также в арабском варианте *uriyān minmek* (уриан мінмек) – «езда верхом без седла».

В языке средневековых письменных памятников при описании культуры верховой езды отчетливо прослеживается одновременное использование тюркских и арабских языковых элементов. Данное явление отражает многослойный лексический состав письменного языка того периода, а также культурно-языковое взаимодействие. Подобные примеры в тексте свидетельствуют о том, что автор памятника в равной степени владел как тюркским, так и арабским языками. Иными словами, при передаче определённых понятий он свободно использовал как исконно тюркские наименования, так и лексические заимствования из арабского языка. Особенно отчетливо это проявляется в терминологии, связанной с конской упряжью и искусством верховой езды. Сосуществование тюркских и арабских наименований в тексте не только обогащает его лексический состав, но и усиливает его историко-культурную ценность. Например, в качестве лексем, связанных с конской упряжью и коневодческой культурой, используются тюркские наименования: *يڭنماچل* (*licamingi*) – «удила», *ماچل* (*licam*) – «уздечка», *سوبارك* (*karabus*) – «передняя лука седла», *سوبرك* (*karbus*) – «задняя лука седла», *كوكس* (*sukuk*) – «ехать рысью», *ماعرقم* (*maqrat*) – «деревянная часть плети», *چارم* (*mahrac*) – «недоуздок», *دبكد* (*dybakat*) – «мастерские действия коневода», *قضبى* (*qabzat*) – «рукоять», *مازح* (*hizam/hyzam*) – «брезент», *نوراه* (*harun*) – «неукрощённый конь» встречаются такие наименования. Подобные лексические единицы показывают, что язык письменного памятника не только описывает бытовую и военную жизнь, но и служит важным источником, отражающим языковые и культурные связи того времени. Кроме того, использование подобных слов свидетельствует о том, что, несмотря на влияние арабского языка в средневековой тюркской письменной традиции, тюркская языковая основа при этом сохранялась. Второй способ – посадка на оседланную лошадь, то есть верховая езда на лошади с седлом. Оседланная лошадь означает животное, на которое уже наложены седло и упряжь и которое готово к верховой езде [9, с. 371].

Для оседлания лошади требуется несколько видов снаряжения. К ним относятся седло, потник, подпруга (ремень), нагрудный ремень (өмілдірік), подхвостный ремень (күйысқан), стремена, уздечка и другие элементы конской упряжи. Среди этих предметов седло является одним из основных средств. Седло – это специальное приспособление, которое устанавливается поверх потника при верховой езде [9, с. 331]. Первоначально оно изготавливалось из шерсти, а затем из дерева и имело особое значение

для обеспечения удобства лошади и всадника [10]. Согласно данным последних археологических исследований, самые ранние мягкие седла (из войлока/шерсти) известны уже со скифо-сакского периода [10, с. 2]. Типов седел существует очень много. По декоративным признакам выделяются золотые, серебряные, резные, орнаментированные, простые седла; по социальному назначению – *седло юноши, детское седло, женское седло, ашамай (детское седло), свадебное седло, седло воина, седло старейшины*; по этнической и региональной принадлежности – *казахское, калмыцкое, киргизское, русское, кокандское, керейское, найманское, адайское* седло; по материалу изготовления – берёзовое, сосновое, составное, железное седло; по форме – *широкобокое, плоское, высокое, полое, с острым передним луком, с утолщённой передней частью, с утиной формой* [3, с. 264].

В рассматриваемом нами тексте письменного памятника также описывается, каким должно быть седло. Например «*bilmes-ler andin songra bir iyer algil kim agači kavi bolsun, meslisi king bolsun, taki iki kasi katig büyük olmasun kim at na-gah sekirgende alin kaši kögsinde urup agritmasun...*» (білмес-лер андын сонгра бір ійер алгыл кім агачы кавы болсун меслісі кінг болсун, такы ікі касы катыг бұйүк олмасун кім ат на-гах секіргенде алын касы көгісінде ұрұп агрытмасын) [7, с.36-37]. В данном фрагменте подчеркивается, что при выборе седла для воина необходимо обращать внимание на его качество: деревянная часть должна быть прочной, сиденье – широким и удобным, а передняя и задняя луки не должны быть слишком большими. Это связано с тем, что при резких движениях лошади передняя часть седла может ударить всадника в грудь и причинить травму. Таким образом, в тексте отчетливо прослеживается особое внимание к качеству и конструкции седла, используемого при верховой езде на оседланной лошади. В тексте обращается особое внимание на качество и конструкцию седла, используемого при верховой езде на оседланной лошади. Лексема *iyer* (ійер) в языке памятника встречается также в других средневековых письменных источниках: например, в «Codex Cumanicus» – *eyär* (ейэр) [11], а в рукописи «Мукадимат эл-адаб» – *emel* (емел) [12]. В языке письменного памятника форма *ійер* в современном казахском языке соответствует словам *ер* или *егер* (ер-тоқым). С точки зрения фонетического развития между языком письменного памятника и современным казахским языком наблюдается переход звуков *i/e*, однако семантических различий между данными формами нет. Данное слово в различных тюркских языках встречается в фонетически разнообразных вариантах, что отражено в этимологическом словаре Э.В. Севортяна. Например, в турецком и башкирских диалектах употребляются формы *eyer/eyär*, а также *eyerçi* в значении «седельщик». В узбекских диалектах встречается форма *ejär*, в караимском, татарском и чагатайском языках – *eger*, в узбекском и казахских диалектах – *egär/egar*, в уйгурском языке – *egä*, в турецком – *ejyer*, в уйгурском также фиксируются

формы *iger/ige*, в татарском и башкирском диалектах – *ijär*, в киргизском и алтайском языках – *e:r*; а в караимском, казахском и киргизском – форма *er*. В чувашском языке встречается форма *jener*, в тувинском – *ezer*, в кумыкском – *jger*, в казахских диалектах – *jeger*, в узбекских диалектах – *jjär*, а в гагаузском диалекте – *je:r*. Исследователь отмечает, что все эти формы в основном используются в двух значениях: 1) «седло», 2) в чувашском диалекте – «подшипник». Э.В. Севортян предполагает, что среди этих вариантов наиболее древней является форма, начинающаяся с начального гласного *e*. По мнению М. Рясняна, фонетическая эволюция данного слова развивалась по следующей цепочке: *eyer* → *e:r* → *er*. Форма гагаузского языка *je:r*, по предположению исследователя, может быть связана с вариантом *jeuer* (в узбекских диалектах – *jjär*). Кроме того, форма *jeg* могла возникнуть в результате элизии начального гласного *e* в словах типа *iär*, *ijer* → *eyer*. А азербайджанская форма *uəhər*, по мнению исследователя, вероятно, является изменённым вариантом исходного *eger*. Состав седла включает переднюю и заднюю части, боковые элементы, центральную балку, луку, крепления для стремян, подпругу, боковые ремни и другие детали [3]. В рассматриваемом нами тексте письменного памятника встречается выражение *iki kasi* (екі қасы), означающее «две луки седла», то есть его переднюю и заднюю части. Иными словами, седло имеет две основные структурные части: переднюю и заднюю луку. Передняя часть обычно более вертикальная, тогда как задняя имеет более пологую форму. В исторических источниках отмечается, что передняя и задняя части седла изготавливались из дерева и металлических элементов. Для предотвращения обморожения рук в холодное время металлические детали оборачивались мягкой кожей. Седла, предназначенные для девушек и женщин, украшались резьбой и орнаментами, иногда инкрустировались костяными узорами или драгоценными камнями по краям луки. В некоторых случаях на переднюю часть седла крепились серебряные украшения или драгоценные камни [3]. Передняя часть седла изготавливалась так, чтобы не травмировать грудь лошади при движении, а задняя часть обеспечивала устойчивость всадника и предотвращала смещение седла. В тексте письменного памятника выражение *alin kaši kögsinde urup agritmasun* означает «чтобы передняя лука не ударяла и не травмировала грудь», а *iyer-ning art kasi* – «задняя лука седла».

Üzengü (үзенгі) – часть конского снаряжения, предназначенная для опоры ноги при верховой езде. В языке рассматриваемого памятника и в других средневековых письменных источниках данное слово встречается в различных фонетических вариантах. Например: *üzängülük* – «стремя, стремени, стремянная часть». В тексте: «*adäqıñı üzängülükkä bir ber*» – «поставь ногу в стремя» (77р-39). Как видно, в составе слова наблюдаются фонетические

соответствия и чередования: в середине слова – переходы звуков *e/ä, n/η*, а в конце слова – *ü/i*. Это является одной из характерных фонетических особенностей средневековых тюркских письменных языков. В нижней части боковых сторон седла делались симметричные выемки для крепления ремня стремени. Эти элементы называются «стременная часть» (*үзеңгілік*). Если ремень стремени был многослойным и более толстым, соответствующим образом увеличивались и размеры выемки. В древности седла воинов и их боковые части, включая крепления для стремян, изготавливались отдельно и с особой прочностью [3, с.265]. Основное назначение стремени – облегчение управления лошадью и обеспечение быстрого передвижения, что имело решающее значение особенно в условиях боевых действий. Оно служит важной опорой для ноги всадника при посадке на лошадь и во время езды [13, с. 16]. До наших дней стремяна используются в различных формах и из разных материалов – из железа, стали, иногда латуни [13, с. 17]. В древности кузнецы изготавливали стремяна вручную, нагревая и ковали металл. Хотя встречались и редкие образцы из дерева или кости, они были исключением. Считается, что самые ранние широкоплощадочные стремяна были обнаружены в Центральной Азии. Позднее подобные изделия были также найдены в Индии, Китае, на Алтае и в Корее [10, с. 2]. Однако до настоящего времени в науке не установлено точно, в какой стране впервые появилось стремя. Исследователи рассматривают в качестве основных гипотез регионы Центральной Азии, Кореи и Китая. В верхней части стремени имеется отверстие для ремня, а в нижней – площадка для опоры ноги. В зависимости от формы и назначения стремяна делятся на несколько видов: колыбельное стремя, круглое стремя, овальное стремя, плоскостопное стремя, свинцовое (утяжелённое) стремя и декоративное стремя. В целом стремя должно быть прочным, сбалансированным по весу и удобным для ноги. Это обеспечивает всаднику равновесие и безопасность при верховой езде. Иногда на поверхности опорной части делались насечки или углубления, чтобы нога не соскальзывала. Эти особенности также описываются в письменном памятнике «Муниет ул-гузат». В тексте говорится, *taki üzengüning altında tişikiler bolsun kim at sekirgende üzengü ayakdın tayip çıkmassun taki üzengü biri birisindin ağır bolmassun ting bolsun taki üzengü kayışlarıning iki yani beraber bolsun ayaki mikdāncani uzun bolsun ni kiska bolsun amma uzun bolmaklik kiskadan yahşirak turur aning üçün kim eger kiska bolsa at-ni çapip tartganda yikilmakdan imin bolmas taki at sekirgende iyerdin çıkmakdin imir bolmas taki tizler iki hükülüp ilgerü çikar ayaklari artkaru müte-ahhir bolur taki at sekirgençe iyer-ning art kasi sinmakdin imin bolmas iles malum boldi kim uzuni kiskadin yahşi irmes taki bir yahşi kizdin murraba yagirlik kilgil* [6, с. 36-37]. В данном тексте описывается один из элементов конского снаряжения, связанный с культурой верховой езды, – стремяна,

особенно их конструкция и особенности использования. Отмечается, что обе стороны стремени должны иметь одинаковый вес, ремни – одинаковую длину, а размер должен быть отрегулирован в соответствии со стопой всадника. Автор предупреждает, что слишком короткие или слишком длинные стремяна нарушают равновесие и повышают риск падения при скачке или прыжках лошади. Кроме того, наличие углублений в нижней части стремени рассматривается как мера безопасности, предотвращающая соскальзывание ноги. В тексте встречается выражение «обе стороны ремней стремени должны быть одинаковыми». Под «қайыс» (кожа, ремень) понимается прочный вид кожи, получаемый путем специальной обработки и выделки шкуры животных. Его прочность, гибкость и долговечность сделали қайыс одним из наиболее необходимых материалов в кочевом быту. Ремень стремени иногда также называется «үзеңгі бау» (стременной ремень). Это ремень, изготовленный из толстой сыромятной кожи или дублёной кожи в два слоя, предназначенный для крепления стремени к седлу [13, с. 16]. В разговорной речи казахского языка фразеологические выражения, связанные со словом *қайыс* (сыромятная кожа, ремень), в основном выражают такие понятия, как прочность, выносливость, терпение и твёрдость. Например, выражения «**жоңынан қайыс алды**» (дословно: «содрали ремень со спины»), «**арқасынан таспа тілді**» (букв. «рассекли спину ремнём») обозначают, что человек был сильно избит или подвергся жестокому наказанию. Выражение «**қайыс аяқ**» в языке описывает крепкого, выносливого, быстрого человека. Такие выражения, как «**қайыс тақым**», «**қамшы бел**», характеризуют человека, часто едущего верхом, закалённого и привычного к коню, выносливого и терпеливого. Фразеологизмы «**қайыс түю**», «**қайыс тілді**» используются в значении обработки ремня в ремесле – нарезки, подготовки и плетения сыромятной кожи. А выражение «**қара қайыс болды**» образно описывает состояние чего-то очень сухого, твёрдого и жёсткого. Слово *қайыс* также может означать тёмный, чёрный, блестящий или зачерствевший цвет [19, с. 398]. Все эти выражения возникли на основе природных свойств сыромятной кожи и её физических характеристик. В казахском языке выражения, связанные со словом *үзеңгі* (стрема), образно передают понятия близости, равенства, соперничества и особенностей характера людей. Поскольку стрема является важной частью конской упряжи и представляет собой симметричный элемент, это отражается и в языке. Например, выражение «**үзеңгілес жолдас**» (**үзеңгілес дос**) означает близкого товарища, спутника, с которым вместе преодолены трудности и пройден жизненный путь. Выражение «**үзеңгі қағысты**» означает, а) люди на лошадях двигались бок о бок, не уступая друг другу; б) участвовали в соревновании или соперничестве. Выражение «**үзеңгі бау қағысты**» также обозначает движение всадников

рядом, без отставания [14, с. 736]. Эти фразеологизмы тесно связаны с культурой верховой езды казахского народа и служат образным средством описания человеческих отношений и поведения.

Yügen (йүген) уздечко – конское снаряжение, надеваемое на голову лошади и предназначенное для управления ею, подчинения животного воле всадника [5, с. 274]. В языке рассматриваемого нами памятника и в других средневековых письменных источниках данное слово передаётся с рядом фонетических вариантов, особенно с чередованием начальных звуков *и/ж*. Например, в «Древнетюркском словаре» (ДТС): *jügün* уздечка ***jügün jigi*** мундштук уздечки (МК III 144); ***jügün čijil čijil etti*** уздечка звенела (МК III 366); *jügün tuluči* кольца, скрепляющие удила с уздечкой (МК III 371) [18, 284]. В словаре поэмы Кутба «Хусрау ва Ширин», составленном А. Ибатовым, встречается форма *yügän*: «йүгән зат. (1) узда; башына ур баһадурлук йүгәні» - «на голову надел геройскую узду» (20в-17). Как видно, гласный звук *и* в слове передаётся различными графическими вариантами – *j/y/ü*, тогда как гласный *е* в середине слова иногда обозначается как *у*, а иногда как *ә*. Однако эти фонетические различия не влияют на значение слова. Узда изготавливается из сыромятной кожи и не должна создавать излишнюю нагрузку на голову лошади. Она состоит из следующих частей: затылочный ремень (желкелік), чёлочный ремень (кекілдік), налобная часть (қасқалық), подбородный ремень (сағалдырық), удила (ауыздық), поводья (тізгін), ремни управления (шылбыр, шаужай), нащёчные ремни (жақтау), носовой ремень (кеңсірік) и др. Узда подразделяется на различные виды: серебряная узда, плетёная узда, узда с кистями, узда с лобным орнаментом, узда с перьями, узда с декоративными украшениями и другие. При правильном использовании узды движения лошади становятся более управляемыми и согласованными. В рассматриваемом нами тексте письменного памятника подчёркивается, что правильное обращение с уздой «*oigil kim färsilik-ning asli yügeni yahši tutmak turur taki sabit olturmaklik turur taki libaka turur amma lidaka timek farisning yahši haraket*» (*ойгіл кім фәрсілікнің аслы үйгені йаһшы тутмак турур такы сабіт олтурмаклік турур такі лібака турур амма лідака тімек фарсның йахшы һаракет*) [9, с. 56]. Данный пример демонстрирует значение правильного удержания уздечки в согласовании мастерства всадника и движений лошади. В современном употреблении существуют различные её виды: четырёхповодная (двойная) уздечка, одноповодная (простая) уздечка, закрытая уздечка, уздечка с застёжками, широкая уздечка. Из этого следует, что в тюркской конной культуре уздечка оценивается не только как средство управления, но и как показатель мастерства верховой езды, навыков и общей культуры всадника. В тексте письменного памятника. *yügenni tutgaysen iyer birde minip at-ka iyerde müstakirr bolganča andin songra tonungni tüzetkeysen taki kirek kim yügenni*

miner ĉakda sag yaninda birazgine kiskartkaysen (үйгені тутгайсен ійер бірде мініп атқа ійереде мүстакір болғанча андын сонгра тонунгні түзеткейсен тақы кірек кім ійгені мінер чакда саг йанында біразгіне қысқартқайсың) жүгенді ұстагайсың, ерге мініп атқа ерде орнығып болғанша, одан соң тоныңды түзеткейсің, керек жүгенді мінер шақта оң жағыңнан біраз гана қысқартқайсың [9, с. 38].

Qamčī (қамчы) плетка – традиционное конское снаряжение, предназначенное для управления лошастью. Существует несколько его разновидностей: *ат қамшы*, *дырау қамшы*, *дойыр қамшы*, *дүре қамшы*, *ұзын қамшы*, *шолақ қамшы*, *сарала қамшы*, *білеу қамшы*, *орама санды қамшы*, *мүйіз сапты қамшы*, *тобылғы сапты қамшы*, *шашақты қамшы*, *шыбыртқы қамшы*, *құрау қамшы*, *бала қамшы*. В языке рассматриваемого письменного памятника, а также в древних средневековых письменных источниках слово фиксируется с чередованием ч/ш в середине слова. Например: *qamčī* – «плеть, кнут, бич, наказание, удар плетью»; *at qamčīsi* – «плетка для лошади» (МК I 417); *qaju kiši attin tüşüp qamčī jer* – «когда кто-нибудь упадёт с лошади [или] получит побои плетью» [14, 415]. Қамчы, сущ. (6) – «плеть»: *atınğa qamčī urdı sürdi jeldi* (24p-10) – «ударил плетью по лошади, погнал, пустил вскачь». *qamčī* – «плеть»: *qamčī birlä mänī urduñ bilməz män körmädimü ya qasd birlä mü urduñ* (145,8) – «ты ударил меня плетью, не знаю, по неосторожности или намеренно ты ударил» – МК; РСл II 404. Из приведённых примеров видно, что слово *qamčī/қамчы* в древнетюркских письменных памятниках употреблялось не только как наименование орудия, связанного с лошастью, но и в значениях «нанесение удара», «наказание». Қамшы состоит из рукояти, плетёной части и петли (бүлдіргі). Плетёная часть қамшы в полтора раза длиннее рукояти: она может быть шестипрядной, восьмипрядной, двенадцатипрядной, круглой, шестигранной, восьмигранной. Плетения бывают округлыми, гладкими, четырёхгранными. Мастера варьируют толщину ремешков, иногда вплетают в них тонкую проволоку. В языке письменного памятника *«atning sol yanina turup kamčingni sol ilingde tutup üzengüge beräber ya azgina artkarurak tutup mingil»* (атың сол йанына тұрұп қамчығны сол ілінде тутуп үзенгүге берабер йа азгына артқарурақ тұтып мінгіл) 9/b аттың сол жананына тұрып қамшыңды сол қолыңда ұстап үзенгіге аяғындыз қойып мін [9, с. 87]. *Kamişdin kilurlar taki kasab farsidin kilurlar taki sögül agačından kilurlar taki munga ohşar yingil yumşak agačdin kilurlar kirek kim kamčidin yogunrak bolgay uzuni ade okning kadarinča bolgay taki iki barmak andin uzun-rak bolgay taki aning bir yanından ačgil sülüş mikdari taki iki taraflı içkeri mavilrek bolsunta okni tişkaru čikmaga koymagay taki anga bir tasma tagkil taki barmakinga kičirgil taki okni navüng* 104/a [9, с. 88].

Kömildidrik (көмілдірік) – важная часть конского снаряжения. Он обеспечивает предотвращение смещения седла вперёд и удерживает его устойчиво на спине лошади. Өмілдірік способствует сохранению безопасности всадника и облегчает управление лошастью. Особенно большое

значение он имеет при скачке или при спуске по склону, обеспечивая устойчивость седла. В языке письменного памятника ескерткіште «*qurla tizgindurgil takı sag kolung üzeresalgıl andın songra sol ıgınıñ üzere salgıl takı boynung üzere tıgındürgıl takı sag kolung birle tız tutgıl takı kıl kurla tızgındürgıl andın songra sag iling birle atıng – bıbg kömüldürüki üzere tızgındürgıl takı sol kolung birle tız tutgıl takı süngü-nı ongılinge algıl takı başıng üzere ıki kurla tızgındürgılta kolung üzere kilsün andın songra biling üzere tızgındürgıl takı butıng altından tızgındürgıl*» 34/b [9, с.56], *süngüning tüpini sagiling birle tutup atning sag yanining kömüldürükining akdi üzere koygıl učini hava-ga togru kötürüp hamle kilgil kaçan yakın kilseng teşdid kilgil kaysi yanga tileseng* 46/b [9, с. 58]. Академик А. Кайдар считает, что это слово в казахском и других тюркских языках относится к группе слов, образованных с помощью аффикса -дірік/-дүрүк/-турық/-дурық. Например, в уйгурском языке - өмүлдүрүк, в киргизском – өмөлдөрөк; также в словах сағалдырық, кемелдірік, мойынтұрық, табалдырық мы можем увидеть, что основами выступают слова сақал, мойын, табан. По нашему мнению, слово өмілдірік в компоненте өміл восходит к монгольскому слову емел. В современных монгольских языках седло называется эмэл. Поэтому, вероятно, казахское слово өмілдірік обозначает часть конского снаряжения, которая при езде в гору удерживает седло, не давая ему смещаться назад, и связана с функцией фиксации седла, из-за чего и получила такое название. Изменение монгольского слова емел//эмэл в казахское өміл, уйгурское өмүл и киргизское өмөл, по нашему мнению, не требует дополнительного обоснования. Г. Рамстедт, в свою очередь, связывает это слово с термином өңмен. В. Банг предлагает для этого слова два различных объяснения: 1) он связывает производное *turuq* и (под влиянием *m*) форму *ämil* (связанную со словом «молочный брат» – *emildeş*, тюрк. *ämildäş*), а также с основой *äm, im* («грудь»), сопоставляя его со словом «емшектес»; 2) либо считает, что это заимствованная карагасская форма *hömelderäk, hü müldürük* со значением «нагрудник» *kömildidrik*, либо другая диалектная форма. А. Севортян отмечает, что слово өмүлдүрүк/ өмүлдүрүк в уйгурском языке соответствует форме өмилдирик/ömildirik, в узбекском и казахском – өмілдірік, в башкирском – үмілдірік/ümildirik, со значением «нагрудник, прикрепляемый к седлу и подпруге; принадлежность конской упряжи». Он выводит происхождение этого слова, связывая его с такими основами, как өңгеч, өңмен, омуз, омрав, өм, ем, өң. В целом слово өмілдірік в казахском языке обозначает часть конского снаряжения и, по мнению исследователей, восходит к монгольскому слову емел/эмэл. Его параллели в тюркских языках представлены формами: уйгурское өмүлдүрүк, киргизское өмөлдөрөк, башкирское үмілдірік. По мнению А. Кайдара, слово образовано с помощью словообразовательного аффикса -дірік/-дүрүк/-турық/-дурық и связано с функцией удержания седла. Другие исследователи (Г. Рамстедт, В.

Банг, А. Севортян) предлагают дополнительные этимологические версии, однако основное значение и функция слова в казахском языке согласуются с трактовкой Ә. Қайдары. В ходе изучения историко-культурного наследия каждый этнос стремится проникнуть в глубокие слои собственной системы познания и с научной точки зрения проанализировать смысл, содержание и текстологическую структуру духовных и языковых явлений прошлых эпох [15]. Такая научно-познавательная позиция открывает путь к обогащению общечеловеческого духовного фонда и подчеркивает важность комплексного рассмотрения древних письменных памятников.

Заключение

В результате исследования наименований конской упряжи в письменном памятнике «Муниет ул-гузат» были выявлены их историческое, культурное и языковое значение. Установлено, что данные термины отражают не только элементы снаряжения для верховой езды, но и особенности социальной организации, военной системы и традиционной культуры средневекового тюркского общества. Поскольку конская упряжь занимала важное место в жизни кочевников, её наименования содержат ценные сведения о быте, военной подготовке и социальном статусе тюркских народов.

Исследование позволило определить исторические основы формирования и развития соответствующей лексики в казахском языке, а также углубить представления о конной культуре как важной составляющей традиционной культуры казахского народа и кочевой цивилизации. Доказано, что названия элементов конской упряжи выступают не только языковыми единицами, но и значимыми этнолингвистическими источниками, сохраняющими сведения о материальной культуре, мировоззрении и военном опыте народа.

Полученные результаты имеют значение для исторической лексикологии, исторической терминологии и этнолингвистики. Они позволяют проследить эволюцию терминов конской упряжи, их семантическое развитие и культурные функции и могут служить источниковой базой для дальнейших историко-лингвистических исследований, изучения тюркских письменных памятников, этнографии и традиционной культуры казахского народа.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Aubakirova K., Jubatova B., Zhiyekbayeva A., Zhumazhanova F., Mustafayeva A. Turkic Arabic Cultural and Linguistic Relations // Analele Universității din Craiova. Istorie. – 2016. – Vol. 21. – No 1 (29). – Pp. 133-142. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss>.

[2] Belek K. Eski Türklerde at ve at Kültürü // Gazi Türkiyat Dergisi. – 2015. – № 16. – Pp. 111-128.

[3] Özdek R. Türklerin Altın Kitabı. – İstanbul: Tercüman Yayınevi, 1990. – 1082 p.

- [4] Қайратұлы Б. Қазақтың атбегілік өнері. – Алматы, 2023. – 400 б.
- [5] Алпысбаева К. Бабалар сөзі. Қобыланды батыр. – Алматы: Фолиант, 2005. – 336 б.
- [6] Аскарова Г., Тамаев С., Асылбекулы С. Бейнелеу өнеріндегі жылқы бейнесінің интерпретациясы // Керуен. – 2023. – № 2 (79). – 293-306 бб. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.2-23>.
- [7] Uğurlu M. Munyetu'l-ğuzat. – Ankara, 1984. – 299 p.
- [8] Сәки Қ. Ұ. Мәмлүктер (соғыс өнері). Кітап-альбом. – Новое изд. – Астана: Фолиант. – 2015. – 152 б.
- [9] Çandarlı Şahin A. Maddi Buluntulara Göre Kuman/Kıpçaklarda Kültürel Hayat. – Ankara: Gece Kitaplığı, 2019. – 230 p.
- [10] Шагырбаев М., Сапатаев С. Ер-тоқым генезисіне қатысты кейбір мәселелер (Таулы Алтай және Берел қорымдарының материалдары бойынша) // Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия историческая. – 2018. – Т. 88, № 1. – С. 211-220. <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/200>.
- [11] Боранбаев С. Р., Серкебаева Г. И. «Кодекс Куманикус» ортағасырлық жазба ескерткішінің сөздігі. – Шымкент: Әлем, 2024. – 224 б.
- [12] Жалмаханов М. Замахшари. «Мукаддимат аль-адаб» сөздігі (XII ғ.). – Қарағанды: Tengri, 2023. – 282 б.
- [13] Жанабекова А. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Т. XIV / Министерство образования и науки Республики Казахстан; Институт языкознания имени А. Байтурсынулы. – Алматы, 2011. – 824 б.
- [14] Кенесбаев И. Фразеологиялық сөздік. – Алматы: Арыс, 2007. – 800 с.
- [15] Ажибекова М. Е., Сагидолда Г., Ченгел Х. К. Қожа Ахмет Ясауидің «Хикметтеріндегі» мәдени лексиканың тарихи қабаттары. // Вестник Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 4 (79). – С. 13-27. <https://doi.org/10.48371/PHILS.2025.4.79.001>

REFERENCES

- [1] Aubakirova K., Jubatova B., Zhiyekbayeva A., Zhumazhanova F., Mustafayeva A. Turkic-Arabic Cultural and Linguistic Relations // Analele Universităţii din Craiova. Istorie. – 2016. – Vol. 21. – No 1 (29). – Pp. 133-142. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss>.
- [2] Belek K. Eski Türklerde at ve at Kültürü [Horse and Horse Culture among the Ancient Turks] // Gazi Türkiyat Dergisi. – 2015. – No. 16. – Pp. 111-128. [in Turk.]
- [3] Özdek R. Türklerin Altın Kitabı [The Golden Book of the Turks] – İstanbul: Tercüman Yayınevi, 1990. – 1082 p. [in Turk.]
- [4] Kairatuly B. Qazaqtyn atbegilik oneri [Kazakh Art of Horse Breeding]. – Almaty, 2023. – 400 s. [in Kaz.]
- [5] Alpysbayeva K. Babalar sözi. Qobylandy batyr [Legends of Ancestors. Kobylandy Batyr] – Almaty: Foliant, 2005. – 336 p. [in Kaz.]

[6] Askarova G., Tamaev S., Asylbekuly S. Beineleu onerindegi jylqy beinesinin interpretatsiyasy [Interpretation of the Image of the Horse in Visual Art] // Keruen. – 2023. – No. 2 (79). – Pp. 293-306. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.2-23>. [in Kaz.]

[7] Uğurlu M. Munyetu'l-Luğat [The Aspiration for the Lexicon]. – Ankara, 1984. – 299 p. [in Turk.]

[8] Saki K. U. Mamlukter (Sogys oneri). Kitap-albom [Mamluks (Military Art)]. – Astana: Foliant, 2015. – 152 p. [in Kaz.]

[9] Çandarlı Şahin A. Maddi Buluntulara Göre Kuman/Kıpçaklarda Kültürel Hayat [Cultural Life of the Cumans/Kipchaks Based on Material Finds]. – Ankara: Gece Kitaplığı, 2019. – 230 p. [in Turk.]

[10] Shagyrbayev M., Sapataev S. Er-toqym genezisine qatysty keibir maseleler (Tauly Altai zhane Berel qorymdarynyn materialdary boiynsha) [Some Issues of the Genesis of the Saddle] // Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. History Series. – 2018. – Vol. 88, No. 1. – B. 211-220. <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/200>. [in Kaz.]

[11] Boranbayev S. R., Serkebayeva G. I. “Kodeks Kumanikus” ortagasyrlyq jazba eskerikshinin sozdigi [Dictionary of the Medieval Written Monument «Codex Cumanicus»]. – Shymkent: Alem, 2024. – 224 p. [in Kaz.]

[12] Zhalmakhanov M. Mahmut al-Zamakhshari. Zamakhshari. “Mukaddimat al-Adab” sozdigi (XII g.) [Dictionary «Muqaddimat al-Adab» (12th Century)]. – Karaganda: Tengri, 2023. – 282 b. [in Kaz.]

[13] Zhanabekova A. Qazaq adebi tilinin sozdigi [Dictionary of the Kazakh Literary Language]. Vol. XIV. – Almaty, 2011. – 824 b. [in Kaz.]

[14] Kenesbayev I. Frazelogiyalyq sozdik [Phraseological Dictionary]. – Almaty: Arys, 2007. – 800 s. [in Kaz.]

[15] Azhibekova M. E., Sagidolda G., Çengel H. K. Qozha Akhmet Yasauidin “Khikmetterindegi” madeni leksikanyn tarikhi kabattary [Historical Layers of Cultural Vocabulary in the «Hikmets» of Khoja Ahmed Yasawi] // Bulletin of the Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages. Series «Philological Sciences». – 2025. – No. 4 (79). – B. 13-27 <https://doi.org/10.48371/PHILS.2025.4.79.001> [in Kaz.]

«МУНИЕТ УЛ-ГУЗАТ» ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШІНДЕГІ ЖЫЛҚЫ ЖАБДЫҚТАРЫ ЛЕКСИКАСЫ: ТАРИХИ-ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ТАЛДАУ

Байменова С.¹, *Батырбекова К.², Токтағұл Б.³

^{1,2} М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті,
Шымкент, Қазақстан

³ Орталық Азия Инновациялық университеті, Шымкент, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада ортағасырлық мәмлүк-қыпшақ тілінде жазылған «Мүниет ул-гузат» жазба ескерткішінде кездесетін ат әбзелдеріне қатысты тілдік бірліктерге кешенді тарихи-лингвистикалық талдау жүргізіледі.

Зерттеудің өзектілігі түркі жазба ескерткіштерінің лексикалық қорын түркі халықтарының материалдық мәдениеті, дүниетанымы мен тіл тарихы туралы маңызды дереккөз ретінде жан-жақты зерттеу қажеттілігімен айқындалады. Зерттеудің мақсаты – ат әбзелдеріне қатысты терминдердің тарихи-лингвистикалық табиғатын анықтау, сондай-ақ аталған лексикалық бірліктердің қазіргі қазақ тіліндегі қолданыс ерекшеліктерін айқындау. Зерттеу нысаны – «Мүниет ул-гузат» жазба ескерткішінің тілі, ал зерттеу пәні – ат әбзелдері атауларының лексика-семантикалық және құрылымдық ерекшеліктері.

Зерттеу барысында тарихи-салыстырмалы, семантикалық, салғастырмалы, этимологиялық және тарихи-фонетикалық талдау әдістері қолданылды. Бұл әдістер зерттеліп отырған лексиканың диахрондық тұрғыдан дамуын жан-жақты қарастыруға мүмкіндік берді. Түркітану ғылымында алғаш рет «Мүниет ул-гузат» ескерткішінде тіркелген ат әбзелдері терминдерінің семантикалық ерекшеліктері мен тілдік эволюциясы жүйелі түрде талданды. Терминдердің шығу төркініне, сөзжасамдық құрылымына, фонетикалық өзгерістеріне және қазіргі қазақ тілінде сақталу дәрежесіне ерекше назар аударылды. Зерттеу нәтижесінде қарастырылған лексемалардың едәуір бөлігінің семантикалық негізін сақтап, қазіргі қазақ тілдік қолданысында белсенді түрде жұмсалатыны анықталды. Бұл түркі халықтарының тілдік және мәдени дәстүрлерінің сабақтастығын көрсетеді.

Зерттеу нәтижелері ат әбзелдері атауларының түркі халықтарының шаруашылық қызметін, тұрмыс-тіршілігін, әскери өнерін және рухани мәдениетін бейнелейтін маңызды лингвомәдени лексика қабатын құрайтынын дәлелдейді. Зерттеу барысында алынған ғылыми тұжырымдар тарихи лексикология, түркітану, этнолингвистика және тарихи семасиология салаларының дамуына үлес қосып, ортағасырлық түркі қоғамдарының тілдік дүниетанымы туралы түсініктерді кеңейтеді.

Тірек сөздер: ат әбзелдері, тарихи-лингвистикалық зерттеу, түркі халықтары, лексика-семантика, дәстүрлі мәдениет, ортағасырлық жазба ескерткіш, тарихи фонетика, Мүниет ул-гузат

HORSE TACK VOCABULARY IN THE WRITTEN MONUMENT MUNYAT AL-GHUZAT: A HISTORICAL-LINGUISTIC ANALYSIS

Baimenova S.¹, * Batyrbekova K.², Toktagul B.³

¹, ^{*2} South Kazakhstan University named after M. Auezov

Shymkent, Kazakhstan

³ Central Asian Innovation University, Shymkent, Kazakhstan

Abstract. This article presents a comprehensive historical and linguistic analysis of lexical units related to horse equipment attested in the written monument Munyat al-Ghuzat, composed in the medieval Mamluk-Kipchak language. The relevance of the study is determined by the need for a comprehensive investigation

of the lexical repertoire of Turkic written monuments as an important source of information on the material culture, worldview, and linguistic history of the Turkic peoples. The aim of the study is to determine the historical and linguistic nature of terminology related to horse equipment and to identify the specific features of the functioning of these lexical units in the modern Kazakh language. The object of the study is the language of the written monument Munyat al-Ghuzat, while the subject of the research comprises the lexical-semantic and structural features of horse-equipment terms.

The study employs historical-comparative, semantic, contrastive, etymological, and historical-phonetic methods of analysis, which make it possible to examine the development of the investigated vocabulary from a diachronic perspective. For the first time in Kazakh Turkological studies, the semantic features and linguistic evolution of horse-equipment terms attested in Munyat al-Ghuzat are systematically analyzed. Particular attention is paid to the origin of the terms, their word-formation structure, phonetic changes, and degree of preservation in the modern Kazakh language. The findings demonstrate that a significant proportion of the analyzed lexemes have retained their semantic foundations and continue to function actively in contemporary Kazakh, indicating the continuity of the linguistic and cultural traditions of the Turkic peoples.

The results of the study demonstrate that horse-equipment terms constitute an important layer of linguocultural vocabulary reflecting the economic activities, everyday life, military practices, and spiritual culture of the Turkic peoples. The conclusions of the study contribute to the development of historical lexicology, Turkology, ethnolinguistics, and historical semantics, while also expanding our understanding of the linguistic worldview of medieval Turkic societies.

Keywords: horse equipment, historical-linguistic research, Turkic peoples, lexico-semantics, traditional culture, medieval written monument, historical phonetics, Munyat al-Ghuzat

*Мақала түсті / Статья поступила / Received: 14.05.2026.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 25.09.2026.*

Авторлар туралы мәлімет:

Байменова Сауле Сулейменовна – PhD докторант, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0004-8429-8808>, e-mail: saule.baimen78@gmail.com.

Батырбекова Камшат Айшигаровна – хат-хабар үшін автор, PhD докторант, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0006-2376-921X>, e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

Токтағұл Бикамал Сағатбекқызы – филология ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Орталық Азия Инновациялық университеті, Шымкент, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0001-5987-1925>, e-mail: <mailto:bikamal.toktagul54@mail.ru>

Информация об авторах:

Байменова Сауле Сулейменовна – PhD докторант, Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова. Шымкент, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0004-8429-8808>, e-mail: saule.baimen78@gmail.com.

Батырбекова Камшат Айшигаровна – автор-корреспондент, PhD докторант, Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0006-2376-921X>, e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

Токтагул Бикамал Сагатбековна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Центрально-Азиатский инновационный университет, Шымкент, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-5987-1925>, e-mail: bikamal.toktagul54@mail.ru

Information about the authors:

Baymenova Saule Suleimenovna – PhD student, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0004-8429-8808>, e-mail: saule.baimen78@gmail.com.

Batyrbekova Kamshat Ayshygarovna – corresponding author, PhD student, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0006-2376-921X>, e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

Toktagul Bikamal Sagatbekovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Central Asian Innovation University, Shymkent, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-5987-1925>, e-mail: bikamal.toktagul54@mail.ru